

УДК 343.241

ББК 67.408

Podroykina Inna Andreevna,
candidate of law, assistant professor
of the chair of criminal law
of Rostov branch
of the Russian Customs Academy,
Rostov-on-Don,
e-mail: 919820@mail.ru

Подройкина Инна Андреевна,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
Ростовского филиала
Российской таможенной академии,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: 919820@mail.ru

ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА НАКАЗАНИЯ С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИЙ ВОЗМЕЗДИЯ

UNDERSTANDING OF THE PHENOMENON OF PUNISHMENT FROM THE STANDPOINT OF THEORIES OF RETRIBUTION

В статье анализируются основные положения теорий, рассматривающих наказание как акт возмездия преступнику за совершенное им злодеяние. Автор отмечает, что уже в догосударственном обществе наказание понималось в духе возмездия, далее по мере развития религиозного сознания утверждается идея божественного возмездия. В период абсолютизма функцию воздаяния приняло на себя государство, что не могло не отразиться на целях и видах наказания, применяемых в этот период. Автор также обращает внимание, что наиболее полно теории возмездия разработаны в работах Канта и Гегеля, основные положения которых им приводятся в статье. В заключении определяются характерные черты, присущие теориям возмездия, и делается вывод о том, что все они, так или иначе, выступают переосмыслением древнего принципа талиона.

The article analyzes the major provisions of the theories examining punishment as an act of retribution to the criminal for committed crime. The author notes that even in a pre-state society punishment was understood in the spirit of retribution, then, as the religious consciousness was developed, the idea of divine retribution was established. In the period of absolutism the function of retribution was taken over by the state, which could not help affected the goals and types of punishment used at that period. The author also notes that the theories of retribution were developed in the works of Kant and Hegel in the most complete way, the main provisions of which are given in the article. In conclusion, the characteristic features inherent to the theories of retribution are determined; and conclusion is made that all of them, one way or another, are rethinking of the ancient principle of Talion.

Ключевые слова: наказание, теории наказания, теории возмездия, цели наказания, справедливость, социально-философское осмысление, принцип талиона, Кант, Гегель, право наказания, смертная казнь.

Keywords: punishment, theories of punishment, theories of retribution, purposes of punishment, justice, socio-philosophical understanding, principle of Talion, Kant, Hegel, right of punishment, death penalty.

Проблема наказания подробно исследовалась представителями различных наук, в том числе философов, криминологов, ученых в области уголовного права. В теории уголовного права дискуссия относительно понятия и целей наказания, его признаков, размеров за совершение конкретных преступлений продолжается [1; 2]. Более того, сегодня не наблюдается

какой-либо четкой уголовной политики, в том числе в части определения видов и размеров наказания, а также единства судебной практики. Так, с одной стороны, мы видим тотальную гуманизацию уголовного законодательства (исключение нижних границ наказания в санкциях статей Особенной части УК, допущение возможности изменения категории преступления, включение новых видов наказаний, альтернативных лишению свободы и др.), с другой — ужесточение наказания за некоторые преступления (в частности, за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и др.), повышение максимального предела лишения свободы, назначаемого по совокупности преступлений и совокупности приговоров (ч. 5 ст. 56 УК), существенное увеличение количества уголовно наказуемых деяний (включение в УК новых статей: 159.1—159.6, 200.1, 205.1—205.5 и др.). Судебная практика по-прежнему в качестве доминирующего наказания использует лишение свободы. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за первое полугодие 2014 года к лишению свободы были осуждены 192500 (что составило 58% от общего числа осужденных). Однако из них 92925 осужденным данный вид наказания был назначен условно (что составило 48,3% от общего числа осужденных к лишению свободы). Всего за совершение особо тяжких преступлений был осужден 19331 человек, при этом только 3308 осужденным (17,1%) было назначено наказание свыше 10 лет (что соответствует категории преступления с учетом положений ст. 15 УК), включая пожизненное лишение свободы. Более того, 1089 осужденным за совершение особо тяжкого преступления лишение свободы было назначено условно (5,6%) [3]. Подобная ситуация требует реакции со стороны научной общественности, в первую очередь посредством выработки определенной нормативной теории, на которую смог бы опереться законодатель и правоприменитель с целью обеспечения единообразия и определенной взвешенности принимаемых решений, а это может сделать только философская рефлексия. Поэтому изучение различных философских концепций относительно института наказания является сегодня необходимым.

Целью исследования является изучение феномена наказания с позиции философских теорий возмездия. Для реализации названной цели необходимо решить следующие **задачи**: изучить работы сторонников теорий возмездия; определить основные постулаты данных теорий; сформировать собственную позицию о возможном использовании основных постулатов теорий возмездия в современном уголовном праве. Поставленные цели и задачи обуславливают **научную новизну** исследования.

Все разнообразие существующих в философской литературе концепций можно классифицировать по двум основным направлениям. Первое направление рассматривает наказание с позиций теорий возмездия. Данные теории обычно обозначают как абсолютные теории наказания. Они исходят из абсолютного принципа заслуженного возмездия, из верховенства правовых норм и опираются на тезис «за преступлением неминуемо должно следовать симметричное наказание». При таком понимании наказание выступает естественной реакцией на совершенное преступление. Второе направление рассматривает наказание с позиций утилитарных теорий. Теории, обосновывающие утилитарную функцию наказания, получили название относительных теорий, где наказание не является самоцелью, оно преследует какие-либо иные цели. С позиций абсолютных теорий в моральном отношении наказание оправдано как возмездие преступнику за совершенное им злодеяние. Виновный заслуживает наказания, которое должно быть пропорционально тяжести его вины. Все абсолютные теории наказания отталкиваются от древнего принципа талиона.

Первое проявление принципа талиона мы находим уже в догосударственном состоянии общества, когда наказание понималось в духе возмездия («око за око, зуб за зуб») и фактически ничем не отличалось от мести. Субъектом непосредственного отмщения по принципу талиона (равное воздаяние) мог выступать как род в целом, так и отдельный индивид в частности. «Правило талиона выросло из глубокого знания людей — из понимания того, что они не так страшны в преступлении, как в слепоте, неистовстве, коварстве и безмерности последующих отмщений» [4, с. 125]. По отношению к «чужакам» акт осуществления кровной мести считался обязательным и не предполагал никаких моральных обоснований. Однако во внутриродовых отношениях кровная месть категорически исключалась и осуждалась. История развития наказаний демонстрирует нам, что «талион <...> то и дело оказывается востребованным в практических отношениях людей как насущный регулятивный, конфликто-разрешающий и сдерживающий избыточную, деструктивную агрессивность инструмент» [5, с. 72—73].

В целом принцип талиона выполнял ограничивающе-запрещающую функцию, которая проявлялась в требовании равного воздаяния. Согласно древнему обычаю наказание должно было ограничиваться ущербом, соразмерным нанесенному вреду. Юридическое регулирование времен родового строя носило преимущественно запретительный характер.

По мере дальнейшего развития религиозного сознания функцию реализации справедливости выполняет Бог, утверждается идея божественного возмездия. Теперь наказывать может только Бог. В эпоху Средневековья начинают различаться наказания в земной и загробной жизни. Само наказание понимается как расплата за зло, которое совершает человек по своей свободной воле. Наказание — это божественное воздаяние, расплата за грехи, совершенные в земной жизни. Человек страшится не столько суда земного, сколько суда Божьего. В качестве действенного средства наказания в правовой практике Средневековья широкое распространение получает ордалия («божий суд»). «Божий суд представлял собой средство установления юридической истины путем обращения к воле Творца. Тяжущиеся лица добровольно соглашались подвергнуться испытанию, сопряженному с пыткой, для того чтобы обнаружить, на чьей стороне правда. В основе ордалии лежало убеждение в том, что Бог постоянно вмешивается в людские дела и поэтому его можно побудить к участию в судебной тяжбе. Ритуальный характер ордалии как нельзя

лучше соответствовал культурным представлениям и верованиям того периода» [6, с. 400—404].

Изначально наказания были телесными и отличались крайней жестокостью. Не имеющий собственности человек был вынужден отвечать за свои проступки собственным телом. Однако из этого не вытекало намерений отказать от телесных наказаний. Казнь выступала одновременно карой и народным праздником, публичным увеселительным зрелищем. Страдания и боль наказуемых приносили радость многим другим жаждущим зрелищ. Казни носили публичный характер, обычно их производили либо на городских площадях, либо перед домом потерпевшего, так чтобы тот мог увидеть труп обидчика. Было принято устраивать шествия по разным частям города для демонстрации преступника, который должен был при этом каяться в содеянных им грехах. По окончании казни голова и тело вывешивались на главной площади.

Дифференцированная система штрафов в зависимости от силы прегрешения выступила альтернативой телесному наказанию с появлением собственности, правонарушитель мог выкупить («искупить») свою вину.

Вместе с эпохой абсолютизма наступает новая фаза в развитии практики наказания. Вместо Бога функцию воздаяния принимает на себя государство. Идея наказания как воздаяния начинает соотноситься с идеей устрашающего наказания. Целью наказания выступает укрепление монархической власти. Регулярно учиняются многообразные и изощренные телесные наказания. Однако карательная практика абсолютных монархий очень скоро показала свою несостоятельность.

Дальнейшую трансформацию древнего закона мы находим в концепции нравственного возмездия, развитой в XVIII веке немецким философом И. Кантом. По его мнению, в своем поведении человек должен руководствоваться безусловными велениями нравственного закона. С нарушением нравственного закона возникает представление о заслуженности наказания, поэтому каждый преступивший этот закон должен согласиться со справедливостью наказания пропорционального его проступку. Наказание становится возможным, если признать, что нарушение закона происходит из свободно выбранной индивидом нормы поведения. Наказание выступает правовым последствием виновности.

В «Метафизике нравов» Кант различает наказание естественное и наказание по суду. Естественная кара — это наказание, которому виновный подвергает себя сам, мучаясь угрызениями совести. Законодатель не должен принимать во внимание эту естественную кару. Наказание по суду заключается в причинении страдания преступнику органами государственной власти за то, что он совершил преступление [5, с. 366].

По убеждению Канта, справедливое наказание необходимо, так как каждый преступник заслуживает страданий. Осуществление справедливости заключается в применении к преступнику наказания. Требование категорического императива гласит, что свобода одного индивида не должна нарушать свободу другого. Преступление, состоящее в нарушении публичных законов, является нарушением как общей свободы, так и свободы отдельного гражданина. Поэтому нарушение высшего нравственного закона требует безусловного наказания, это есть требование справедливости. Единственной целью наказания является осуществление справедливости. При этом единственным принципом при определении наказания должен быть «принцип равенства», то есть преступника необходимо наказывать пропорционально тяжести его преступления — ни больше ни меньше.

Однако Кант понимал, что нельзя в буквальном смысле

трактовать принцип возмездия, так как не всегда является возможным принцип оплаты равным за равное. Его можно осуществить в смысле равенства между чувством страдания, нанесенного потерпевшему преступлением, и страдания, которое можно причинить преступнику наказанием. Так, с точки зрения Канта, денежный штраф не может восполнить оскорбление словом, так как тот, у кого много денег, может позволить себе такое удовольствие. В данном случае только ущемление честолюбия одного может быть соразмерно оскорблению высокомерия другого. Для осуществления справедливости обидчик должен принести публичные извинения и, к примеру, поцеловать руку тому, кого он оскорбил, пусть даже последний занимает более низкое по сравнению с ним социальное положение.

В случае совершения насилия по отношению к низкостоящему по положению невиновному гражданину кроме извинения преступник должен быть приговорен к одиночному заключению, которое задело бы и тщеславие виновника, реализуя тем самым принцип справедливости.

Что касается наказуемости кражи, то вор должен быть лишен всякого имущества как в настоящем, так и в будущем, однако, лишившись имущества, он должен каким-то образом существовать, что становится возможным лишь при условии его содержания государством. Государство не обязано содержать его даром, и поэтому преступник для того, чтобы отработать предоставленные государством средства к существованию, отправляется на каторжные или исправительные работы, попадая при этом в положение раба [7, с. 368].

В случае совершения убийства воздаяние может быть только одно — смерть, здесь не может быть иного равенства между преступлением и воздаянием. Кант выступал яростным защитником смертной казни. Он считал, что по закону справедливости сколько есть преступников, совершивших убийство или содействовавших ему, столько же должно умереть.

Человек, с точки зрения Канта, подвергается наказанию не потому, что он захотел его, а потому, что он захотел совершить наказуемый поступок. Он оправдывает наказание в моральном плане и полагает, что оно должно быть пропорционально серьезности преступления.

В конечном счете положения, выдвинутые Кантом для обоснования правомерности наказания, лишь очерчивают границы последнего: только виновный может быть наказан, и при этом вред, причиняемый ему, должен быть соразмерен с тем ущербом, который он нанес другим. Однако остается до конца недостигнутой обозначенная цель наказания, состоящая в осуществлении абсолютной справедливости. Остается открытым вопрос о возможности установления равного соотношения между преступлением и воздаянием.

Дальнейшее развитие теории возмездия получает в философии Г. В. Ф. Гегеля, предложившего вариант так называемой «теории диалектического возмездия». Теорию преступления и наказания Гегель раскрывает в учении о неправе (непреднамеренное или гражданское неправое, обман и преступление). Преступление, по его мнению, не есть причина зла, а есть нарушение права вообще, когда преступник открыто ставит неправое на место «права в себе», и именно в таком виде оно должно быть снято. Преступление в отличие от гражданского неправа и обмана открыто нарушает как всеобщую волю, так и «особенную» волю отдельного лица.

Преступление, по мысли Гегеля, представляет собой нечто неразумное, нелепое, противоречащее самому себе, но случающееся в конкретно-эмпирическом мире. Преступление является неистинным поступком, который противоречит по-

нятию человеческого достоинства, это есть отрицание права, происходящее в силу того, что человек благодаря свободе может действовать вопреки закону. Поэтому наказание есть отрицание отрицания. Снятием преступления через наказание утверждается действительность права, победа разумного над неразумным. Во временном отношении наказание наступает после совершенного преступления, поэтому оно и выступает отрицанием отрицания, то есть отрицанием произведенного отрицания права.

В наказании Гегель видит не только средство восстановления справедливости, но и право самого преступника быть наказанным в качестве свободной личности. Несмотря на то что преступление всегда является чем-то неразумным, сам преступник всегда остается разумным существом, обладающим достойным наказанием. Наказание, карающее преступника, есть право самого преступника и положено уже в самом его поступке как разумного существа. Осознав необходимость своего наказания, преступник является подлинно свободным человеком.

Гегель не принимает грубую форму талиона и мести и предлагает исходить из принципа необходимости «равенства по ценности» между преступлением и наказанием. Он обосновывает идею наказания как диалектического возмездия. Так как наказание есть нарушение нарушения, а преступление имеет определенный качественный и количественный объем, то его отрицание должно иметь такой же объем. Другими словами, преступления можно различать по определенным качественным и количественным признакам в зависимости от того, в каком объеме они нарушают свободную волю другого существа и какую опасность они несут для общественного спокойствия. Данное различие необходимо учитывать при выборе наказания за то или иное преступление.

С точки зрения мыслителя, в задачу философии не входит выяснение характера наказания за то или иное преступление. Философия призвана лишь определить общий принцип для определения наказания. Такой принцип как раз и вытекает из понятия наказания как «отрицания отрицания», утверждающего необходимость снятия преступления. Как было указано выше, при определении размера наказания необходимо руководствоваться так называемым равенством по ценности, то есть данное равенство должно проводиться не по специфическому характеру, а по его ценности: размер наказания должен соответствовать размеру совершенного преступления.

Гегель определяет понятие наказания через возмездие, но, развивая теорию наказания как возмездия, Гегель все же не разделяет воззрений Канта. Смысл кантовского возмездия состоял в материальном равенстве между преступлением и наказанием. Требование категорического императива соответствовало древнему принципу талиона «око за око, зуб за зуб». Согласно же Гегелю, достижение специфического равенства в акте возмездия можно легко представить как абсурд, так как во многих случаях равное наказание не является таковым. К примеру, если лишить одноглазого преступника единственного глаза или пробовать выбить зуб беззубому. Поэтому основным критерием справедливого воздаяния должно быть установление внутреннего равенства в вещах не по чисто внешнему их проявлению, а по их ценности. «Ценность как внутренне равное в вещах, которые в своем существовании по своей специфике совершенно различны, есть определение, встречающееся уже в договорах, а также в предъявляемом преступнику гражданском иске, посредством чего представление выходит за пределы непосредственного характера

вещи и поднимается до всеобщего. В преступлении, в котором бесконечное в деянии есть основное определение, в большей степени исчезает лишь внешне специфическое, и равенство остается только основным правилом установления того существенного, что заслужено преступником, а не внешней специфической формы воздействия» [8, с. 150]. По мысли Гегеля, только со стороны внешней формы такие проявления, как воровство, грабеж, денежный штраф, неравны, но по своей ценности они сравнимы.

Отрицая наказание как возмездие по принципу специфического равенства, Гегель делает исключение для назначения наказания за убийство. Не существует эквивалентной ценности жизни. Убийцы, полагает мыслитель, должны наказываться в соответствии с принципом «специфического равенства» — смерть за смерть, однако этот вид наказания является исключительным.

Преступление, считал Гегель, уже содержит в себе наказание, справедливое воздаяние необходимо вытекает из преступления, является его другой стороной. Преступление и наказание представляют собой единство противоположностей. Для того чтобы справедливое воздаяние не превратилось в месть, необходимо, чтобы его осуществление производило не частное лицо, а судья, реализующий всеобщую волю закона.

В правовой теории Гегеля наказание осуществляет справедливость, и поэтому оно не нуждается в каком-либо утилитарном оправдании. Преступник в гегелевской теории наказания выступает не просто объектом карательной власти государства, а субъектом права, за которым признается достоинство человеческой личности. Преступник имеет право быть наказанным в соответствии с внутренней ценностью совершенного преступления.

На первый взгляд в теории наказания Гегеля признаются правовые гарантии личной свободы гражданина, выраженные в признании в преступнике свободной человеческой личности. Однако на самом деле, как справедливо заметил К. Маркс: «Теория наказания, которая в преступнике признает в то же время человека, может это делать только в абстракции, в воображении, именно потому, что наказание, принуждение противоречат человеческому поведению. Кроме того, выполнение такой задачи оказалось бы невозможным. Место абстрактного закона занял бы чисто субъективный произвол, ибо каждый раз зависело бы от официальных «почтенных и приличных» особ согласовать наказание с индивидуальностью преступни-

ка. Уже Платон понимал, что закон должен быть односторонним и абстрагировать от индивидуальности» [9, с. 211—212]. В данном высказывании Маркс вскрывает внутреннее противоречие гегелевской теории между желанием увидеть в преступнике подлинное человеческое достоинство и оперированием с абстрактной личностью.

В целом, подводя итог изучению развития представлений о феномене наказания в теориях возмездия, следует отметить, что для данных концепций характерно следующее: во-первых, теории, основывающие наказание на позициях возмездия, являются абсолютными теориями наказания. Абсолютные теории наказания рассматривают наказание как цель в себе самом — в акте возмездия, они исходят из принципа возмездия или воздаяния. Во-вторых, абсолютные теории в своей основе являются ретрибутивными, то есть предполагающими, что наказание является естественной объективной реакцией на совершенное преступление. Наказание выступает в качестве правовой необходимости. Связь наказания с преступлением мыслится непосредственно через акт последующего возмездия. В-третьих, с точки зрения морального оправдания наказание считается справедливым воздаянием преступнику за совершенное им зло. Все существующие в истории развития философской мысли варианты теорий возмездия так или иначе выступают переосмыслением древнего принципа талиона. В-четвертых, на наш взгляд, идея цивилизованного, справедливого отмщения, имеющая в своей основе зачатки талиона, принципиально неустраима из современной правовой теории. Считаем, что именно эта идея должна пронизывать все уголовное законодательство России и играть первостепенную роль в процессе наказания, поскольку общественные отношения, прежде чем стать предметом уголовно-правовой охраны, уже включены в систему ценностей социальной справедливости, в систему нравственных ценностей. Ведь неслучайно при определении преступления мы всегда говорим, что преступлением признается не любое деяние, а только то, которое посягает на наиболее значимые, наиболее ценные общественные отношения. Соответственно их нарушение по общему правилу расценивается в обществе как несправедливость и безнравственность, которая должна быть устранена посредством справедливого отмщения — назначения такого наказания виновному, которое вызвало бы ощущение восстановленной справедливости у потерпевшего и иных членов общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Курганов С. И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты. М.: ТК Велби: Проспект, 2008. 192 с.
2. Непомнящая Т. В. Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 384 с.
3. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за первое полугодие 2014 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=586> (дата обращения: 11.11.2014).
4. Соловьев Э. Ю. Переосмысление талиона. Карательная справедливость и юридический гуманизм // Новый мир. 2004. № 1. С. 123—142.
5. Апресян Р. Г. Талион и золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов // Вопросы философии. 2001. № 3. С. 72—84.
6. Гуревич А. Я. Пытка // Словарь средневековой культуры. М., 2003. 632 с.
7. Кант И. Метафизика нравов // Сочинения. В 8 т. Т. 6. М.: ЧОРО, 1994. 613 с.
8. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / 2-е изд. Т. 3. М.: Изд-во полит. литературы, 1955. 650 с.

REFERENCES

1. Kurganov S. I. Sanction: criminal-legal, criminal and penal, and criminological aspects. M.: TK Velbi: Publishing house Prospekt, 2008. 192 p.
2. Nepomnyashchaya T. V. The measure of criminal punishment: theory and practice: monograph. M.: Yurlitinform, 2012. 384 p.
3. Consolidated statistical information about the state of criminal records in Russia for the first half of 2014 // Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=586> (date of viewing: 11.11.2014).
4. Soloviev E. Yu. Rethinking of the talion. Punitive justice and legal humanism // New world. 2004. № 1. P. 123—142.
5. Apresyan R. G. Talion and the Golden rule: critical analysis of paired contexts // Issues of philosophy. 2001. № 3. P. 72—84.
6. Gurevich A. Ya. Torture // Dictionary of medieval culture. M., 2003. 632 p.
7. Kant I. The Metaphysics of morals // Works. In 8 vol. Vol. 6. M., 1994. 613 p.
8. Hegel G. W. F. Philosophy of law. M.: Mysl', 1990. 524 p.
9. Marx K., Engels F. Works / 2-d edition. Vol. 3. M.: Publishing house of political literature, 1955. 650 p.